

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 070.1

DOI 10.17223/19986645/22/8

В.В. Витвинчук

КОНСТРУИРОВАНИЕ МЕДИАСОБЫТИЯ: СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНОГО ХРОНОТОПА

На основе анализа публикаций о затоплении теплохода «Булгария» в статье исследуются механизмы конструирования медиасобытия и наполнения массового информационного потока. Раскрывается специфика рекурсивного воспроизведения коммуникационной системы журналистики посредством ментальных алгоритмов сознания. Автор актуализирует значение индивидуального хронотопа в интерпретации события журналистом и приходит к выводу о возможности наполнения публикуемых материалов социальным смыслом путем использования культурных ментефактов, соотносящих отражаемое событие с социальными процессами и проблемами.

Ключевые слова: медиасобытие, социальность, хронотоп, ментефакт, рекурсия.

Современные средства массовой информации всецело технологичны, это обусловлено развитием каналов передачи информации. Существование Интернета сделало очевидным тот факт, что информация и интенсивность ее передачи способны влиять на такие фундаментальные категории бытия человека, как время и пространство в их перцептивном аспекте. Массовый информационный поток не только трансформировал методологию журналистской работы, изменил представление о доступности и качестве информации, но и ускорил течение социального времени, спрессовал пространственные характеристики. По мнению В.Г. Буданова [1], темпы потребления информации посредством Интернета сталкивают человека с информационным хаосом и либо повергают его в прострацию, либо учат новым методам работы с Информацией.

Все элементы структуры современных СМИ взаимосвязаны, очень чувствительны к информационным флуктуациям и не ограничены какими-либо объемами, кроме человеческого ресурса. Потенциал такой системы способен порождать информационный хаос под воздействием внешних событий реальности, которые представляют интерес для большей части аудитории: «Чем больше информации, тем труднее в этом хаосе найти долю смысла, соотносимого хотя бы с обыденными представлениями о реальности» [2. С. 41].

Социальность определяет место и роль журналистики в обществе. Журналистика – это социальный инструмент, порожденный инстинктом самосохранения общества, а социальное – это среда всей журналистской деятельности. Каким образом журналистика конструирует социальность? Очевидно, что это происходит в процессе поиска, распознавания и решения значимых социальных проблем.

«Пространство массовой коммуникации, создаваемое журналистикой, можно рассматривать как пространство конструирования, бытования и

трансляции социальных смыслов, мотивирующих социальное действие» [2. С. 45]. Сама по себе журналистика не способна решить социальную проблему, но она может актуализировать информацию о ней в общественном сознании посредством донесения адекватного смысла о событии или процессе до аудитории. Именно поиском и трансляцией смысла должен заниматься журналист, поскольку у рядового читателя в условиях хаоса информационных потоков на это уже нет времени.

Событие, произошедшее в реальности, отражается средствами массовой информации, становясь медиасобытием, которое лишь отчасти следует за реальностью, но во многом является произвольным субъективным видением. Информация преломляется сквозь призму редакционной политики, специфики канала коммуникации и личности журналиста: «Картина мира, формируемая средствами массовой информации, далеко не адекватна объективной реальности. Она формируется субъектами информационной деятельности» [3. С. 87]. Журналист как один из ключевых субъектов информационной деятельности определяет смысловой потенциал медиасобытия, который может реализоваться в сознании аудитории и маркировать модус фрагмента реальности.

Как происходит констелляция смысла медиасобытия? Другими словами, где расположена и как конструируется «точка сборки» смысла? Одним из базовых элементов медиасобытия, ярко отражающих его субъективный смысл, является образ времени/пространства, именуемый хронотопом (М.М. Бахтин). Каждый журналист наполняет медиасобытие своим ощущением времени и пространства.

«Хронотоп – это существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений...» [4. С. 9], также это «...психологический конструкт, образовавшийся в определенное время в определенном месте с большим выделением психофизической энергии и привнесением особо определяющего смысла» [5. С. 206–207]. Для обозначения познавательного потенциала хронотопа используется понятие «энергия хронотопа», которая измеряет способность пространственно-временных отношений актуализировать информацию о воспринимаемой действительности в сознании индивида.

События, имеющие определенную локализацию в реальности, могут быть перенесены в пространство виртуальной реальности журналистского произведения и актуализированы посредством конструирования хронотопа, имеющего некоторый энергетический потенциал. Журналист произвольно генерирует энергию хронотопа, определяя скорость течения событий, их череду и сменность, последовательность мыслей. Локализация медиасобытия задает пространственный масштаб, а динамика изменений – временные параметры, но эти характеристики всегда определяются интерпретатором. По мнению Т.М. Дридзе [6], интерпретация обусловлена «уровнем семиотической подготовки» автора, т.е. «багажом» представлений об арсенале социально-культурных знаков и инструментальной способностью порождать из них тексты.

Уровень семиотической подготовки журналиста задает модус энергии хронотопа, которая может спровоцировать у аудитории побуждение и движение, а может – апатию и безразличие. Энергия хронотопа обусловлена личностью автора: «Коммуникатор, создающий текст, одновременно является

интерпретатором как своего собственного текста, так и множества разнообразных текстов, толкуемых им в духе времени, ситуации, определенного контекста, в рамках определенной, принятой для той или иной языковой подсистемы, системы значений, а также своего коммуникативного опыта, своих ценностных ориентаций, своей жизненной ситуации и т.п.» [6. С. 124–125].

Первый уровень выражения хронотопа – это прямая манифестация времени и пространства. Она присутствует почти в каждом журналистском материале и реализует в себе ответы на вопросы: кто (что), где и когда. Для аудитории это отправная точка рефлексии над прочитанным. Журналист, изучающий проблему более подробно, рассматривающий предысторию, причины, последствия и другие аспекты, формирует хронотоп второго уровня. В таком хронотопе проявляется субъективное видение автора, оптическое выражение его профессионализма и социальной позиции.

Журналист интерпретирует информацию о реальности, переводя ее в определенную знаковую форму. Процесс интерпретации базируется на ментальных алгоритмах, обеспечивающих распознавание старых и конструирование новых смыслов. Своеобразным алгоритмом выступает образ, который можно принять за «квант смысловой информации». Компиляция образов в журналистском материале представляет собой квантование информационного сигнала: «В журналистском факте реализуется энергия квантового перехода: образа-сигнала в образ-модель, образ-концентрат, образ-факт, образ-понятие, образ-тезис» [3. С. 95]. Базовый образ материала концентрирует смысл и определяет эволюцию медиасобытия.

По мнению профессора В.Д. Мансуровой, «...процесс интериоризации реальности коммуникационной системой журналистики представляет собой рекурсию – создание копий заданных базовых алгоритмов. ...В журналистике, базирующейся на особом способе реализации социального познания – интерпретации, рекурсивным преобразователем может быть личность журналиста» [2. С. 102–103].

Работа журналиста с информацией о реальности по принципу рекурсивного преобразования, базирующегося на некоторых ментальных алгоритмах (в терминологии В.В. Красных, «фрейм-структурах») [7], определяет механизмы конструирования медиасобытия.

Хронотоп – это инструмент, при помощи которого журналист конструирует социальные смыслы в своем произведении. Этот процесс зависит от способа, которым журналист воспроизводит топологию события в хронотопическом ракурсе. Наглядным примером алгоритмического воссоздания события является освещение в СМИ «гибели» теплохода «Булгария» 10 июля 2011 г. Эта катастрофа заняла второе место в медиарейтинге самых заметных событий 2011 г., подготовленном информационно-аналитической системой "Медialogия" по заказу "Независимой газеты"[8].

При анализе 100 материалов о затоплении теплохода «Булгария» был выявлен набор типичных ментефактов, которыми оперировали журналисты, создавая материалы о трагедии. Каждый материал строился на определенном соотношении концептов, которые являются производным образованием от ключевых слов, наиболее часто употребляемых авторами текстов. Учитывая, что объем некоторых рассматриваемых понятий включает другие из выяв-

ленного ряда, их можно объединить в группу из пяти структурных элементов медиасобытия с конкретной частотой употребления: трагедия (крушение, затопление) – 82, причина (погодные условия, халатность, неисправность) – 74, вина – 61, спасение – 60, гибель – 77.

Можно выявить базовый образ-алгоритм, который служит отправной точкой рекурсивного воссоздания события: «В момент крушения на Волге бушевала гроза, в какой-то момент судно просто завалилось на правый борт и моментально, буквально за 3 минуты утонуло» [9]. В приведенной цитате автор использует стереотипную ситуацию – «бушевала гроза», которая в сжатом виде несет семантику угрозы, предчувствия трагедии. Посредством реализации одного или нескольких выявленных концептов через базовый алгоритм отражается топология события.

Во всех материалах о затоплении теплохода топология события воссоздается практически одинаковыми языковыми средствами: Куйбышевское водохранилище, бушевала гроза, крен на правый борт, вода хлынула в открытые иллюминаторы, кто-то закричал, предупреждение об эвакуации, давка, дети были закрыты в музыкальном зале, люди прыгали за борт, холодная вода, грузовые судна прошли мимо, спасательная операция и др.

Если во всех материалах используются одинаковые маркеры пространственности и определенный набор концептов, в чем же заключается авторская интерпретация, способная дополнить материал социальными смыслами? Журналист может акцентировать внимание на одном из образов либо представить читателю набор быстро сменяющих друг друга «картинок», может сжато воспроизвести все событие либо подробно остановиться на одном из фрагментов, другими словами, автор интерпретирует время, ускоряя или замедляя его, и создает индивидуальный хронотоп материала.

Базовый концепт играл роль рекурсивного преобразователя в воссоздании медиасобытия лишь в первый день после затопления, в дальнейшем на первый план выходят прочие концепты из выявленного набора. Порой базовый концепт материала выносится в сильную позицию заголовка: причина – «Внепогодные условия» [10], «Человеческий фактор» [11], «Бомбилы на рейде» [12]; вина – «Следствие заглянуло на дно» [13], гибель – «Число погибших при крушении теплохода "Булгария" достигло 86 человек» [14]; спасение – «Спасатели прекратили работы на «Булгарии» [15].

Воссоздание медиасобытия из набора концептов соотносится с социальными процессами и проблемами, переживаемыми обществом. В процессе интерпретации привносятся культурные, социокультурные знаки и когнитивные элементы, которые придают социальную значимость журналистскому материалу. Расширение локальной трагедии до общесоциального масштаба может осуществляться путем использования стереотипов и прецедентных феноменов, как это делает журналист «Независимой газеты» в материале «Гибель "Булгарии" и "Чудо на Гудзоне"»: «Тут невольно всплывают исторические аналогии. В 1878 году после гибели на Темзе, в черте Лондона, прогулочного парохода «Принцесса Алиса»...» [16]. Указывая на прецедент из английской истории, автор сравнивает реакцию российского и английского общества на подобные катастрофы. Усиливая эмоциональный накал материала, журналист приводит прецедентный текст – «бьет по мозгам», вызываю-

щий у русскоязычного читателя в памяти продолжение строк известной песни – «переживем, ну и черт с ним», что указывает на типичную причину таких трагедий – халатность и наплевательское отношение. Далее автор приводит несколько стереотипных ситуаций, подчеркивающих системные недостатки государственного управления в технологической сфере: «Стала индикатором абсолютного неблагополучия нашей патриархальной системы управления технологическими процессами и системами», «Реакция высшего государственного руководства на этот инцидент была вполне ожидаемой». Благодаря концентрации смысла и предопределенности реакции на стереотип автору не требуются длительная процедура аргументации и анализа, он задает смысл, заранее соотнесенный с эмоциональным ответом.

Оперируя ментефактами, журналисты воспроизводят событие реальности. Каждое вербальное воплощение события базируется на ментальных алгоритмах сознания, позволяющих с большой скоростью отражать событие в понятной для аудитории форме. Это, в свою очередь, провоцирует огромное количество материалов о трагедии. Медиасобытие становится алгоритмом, посредством которого коммуникационная сеть наполняется информацией, резонирующей с общественным мнением. Используя данные поисковой сети «Яндекс-новости», можно подсчитать, что на следующий день после трагедии в рунете появилось 3249 сообщений по теме затопления судна, еще через день – 3089. В короткий период рунет захлестнули тысячи сообщений о теплоходе «Булгария», и это можно расценивать как свидетельство информационного хаоса. Согласно принципам синергетики «...хаос обитает на границе пространственно-временных масштабов нашего восприятия реальности как уже ставшего бытия [1. С. 32]». В условиях хаоса система неустойчива и журналист может актуализировать социальный смысл события методом реализации социального хронотопа: «Именно в хаотической эволюционной фазе возможно восприятие, получение информации из целостного источника, синхронизация и гармонизация системы, в согласии с космическими принципами» [1. С. 36].

В неравновесной коммуникационной системе журналистики, где уровень энтропии очень высок, даже незначительное внешнее влияние может определить весь дальнейший ход эволюции медиасобытия. Для журналиста очень важно не упустить время для высказывания, поскольку с течением времени все сильнее начинает проявляться еще одно свойство системы – стремление к гомеостазу. Это подтверждается эмпирическим путем: уже через 4 дня после трагедии частота появления информации о событии снижается в два раза по сравнению с пиковым состоянием. Через 10 дней частота снижается в 6 раз, а через 20 дней в рунете появляется только 42 сообщения, затрагивающих тему затопления теплохода «Булгария». С этого момента и в течение еще 40 дней в рунете появляется в пределах 50–100 сообщений о трагедии ежедневно. Можно сказать, что хаотичный информационный поток в коммуникационной системе, спровоцированный затоплением теплохода, за 20 суток перешел в гомеостатическое состояние. В данном случае ключевым параметром хаоса является скорость производства и воспроизводства информации как индикатор постоянного изменения, текучести. Большое количество сообщений, вброшенных в коммуникационную систему за небольшой промежуток вре-

мени, порождает многовариативность медиареальности в отношении описываемого события, что представляет собой информационный хаос. Снижение количества сообщений свидетельствует о том, что картина медиареальности стала относительно статичной и не подверженной ежеминутным изменениям.

Коммуникационная система массмедиа ориентирована на быстрое «забывание» под внешним информационным воздействием: уже 22 июля СМИ захлестнули сообщения о террористических актах в Норвегии, а 30 июля – о банкротстве авиакомпании «Континент». В то же время нельзя говорить о полном угасании медиасобытия, «Булгария» продолжает вызывать резонанс в блогах и социальных сетях.

Факт затопления теплохода «Булгария» и гибели 122 человек сам по себе не является свидетельством флуктуации в социальной системе. Ежедневно в России умирает гораздо больше людей по различным причинам, и это до определенного времени не вызывает значительных системных изменений. Но став медиасобытием, эта катастрофа приобретает свойство «эффекта бабочки» и запускает серьезнейшие колебательные процессы в коммуникационной системе массмедиа.

Информационная активность в рамках рассматриваемого медиасобытия характеризуется резкими колебательными «всплесками», провоцируемыми внешними раздражителями (процедура подъема теплохода со дна водохранилища, обнаружение причин трагедии, самоубийство следователя и т.д.). Всплески быстро затухают, но эти процессы дают основание утверждать, что медиасобытие имеет самоподдерживающий характер. Журналисты находят новые информационные фрагменты (события) и присоединяют их к основному медиасобытию. Зачастую в результате таких операций в интерпретацию медиасобытия журналисты привносят информацию, лишь косвенно относящуюся или вообще не относящуюся к факту трагедии: так множатся микрособытия, нелегитимно присваивающие себе информационную актуальность основного события и увеличивающие уровень псевдособытийности.

В ряде случаев основное внимание уделяется временному параметру, а пространственная локализация остается размытой. События, преподнесенные таким образом, растворяются в пространстве темпоральной реальности. Информация исходит из некоего нерелексируемого источника, поскольку не привязана к месту. В таких условиях сообщение пресс-службы МЧС и высказывание обывателя о трагедии уравниваются в сознании читателя. Аудитория получает обрывки информации, невстраиваемой в пространственно-временной континуум, а следовательно, почти невоспринимаемой.

Можно заключить, что медиасобытие – это факт в процессе его превращения в событийную ситуацию. Будучи воспроизведенной в типичных концептах, событийная ситуация провоцирует поток материалов с различным содержанием. Произвольные манипуляции журналистов с набором концептов как структурных элементов сообщения позволяют коммуникационной системе массмедиа воспроизводить себя с большой скоростью.

Информационный поток, создаваемый базовыми алгоритмами, настолько интенсивен, что неизбежно ввергает коммуникационную систему в хаос. В условиях информационного хаоса мнение журналиста, усиленное технологичностью каналов распространения информации, может стать параметром

порядка, воздействующим не только на систему массмедиа, но и на всю социальную систему.

Если в журналистскую интерпретацию события привносятся культурные ментефакты, соотносящие факт трагедии с социальными процессами и проблемами, хронотоп материала наполняется социальным смыслом, способным вызвать общественный резонанс. Будет ли журналистский материал способствовать «опрокидыванию» системы или ее организации в конструктивном русле, зависит от социальности авторского хронотопа.

Литература

1. Буданов В.Г. Методология сенергетики в постнеклассической науке и в образовании. М.: ЛКИ, 2008. 232 с.
2. Мансурова В.Д. «Медийный» человек российской провинции: динамика социального взаимодействия. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2011. 207 с.
3. Мансурова В.Д. Журналистская картина мира как фактор социальной детерминации. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 237с.
4. Бахтин М.М. Эпос и роман. СПб.: Азбука, 2000. 301 с.
5. Дронова Т.А. Хронотопичность стиля мышления в контексте образа // Мир психологии. 2009. № 4.
6. Дридзе Т.М. Язык и социальная психология: учеб. пособие / под ред. и с предисл. А.А. Леонтьева. 2-е изд., доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 240 с.
7. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с.
8. Вспомнить все / 24.01.2012 // Независимая газета. http://www.ng.ru/ng_politics/2012-01-24/9_total_recall.html.
9. Теплоход «Булгария» затонул за 3 минуты / 11.07.2011 // Агентство информационных сообщений. <http://vg-news.ru/news-teplokhod-bulgariya-zatonul-za-3-minuty>
10. Внепогодные условия / 13.07.2011 // Российская газета. <http://www.rg.ru/2011/07/13/prichini.html>
11. Человеческий фактор / 13.07.2011 // Российская газета. <http://www.rg.ru/2011/07/13/chesnakov.html>
12. Бомбилы на рейде / 15.07.2011 // Ведомости. http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/265224/bombily_na_rejde
13. Следствие заглянуло на дно / 11.07.2011 // Российская газета. <http://www.rg.ru/2011/07/11/sledstvie-site.html>
14. Число погибших при крушении теплохода «Булгария» достигло 86 человек / 12.07.2011 // Российская газета. <http://www.rg.ru/2011/07/12/bulgaria86-anons.html>
15. Спасатели прекратили работы на «Булгари» / 15.07.2011 // Взгляд. <http://vz.ru/news/2011/7/15/507420.html>
16. Гибель «Булгарии» и «Чудо на Гудзоне» / 14.07.2011 // Независимая газета. http://www.ng.ru/politics/2011-07-14/3_kartblansh.html